

источников, актуализуется примерно в середине XVIII в. (см.: комедия А. П. Сумарокова «Опекун», 1765 г.; староукраинская сатира «Плач киевских монахов», 1786 г. и др.). В 40-е годы XIX в. уже зафиксирован факт повторной топонимизации одного из дериватов этого слова — *Камчатник* (название отдаленной запяжки на Ангаре)¹⁸. Многие коннотонимы XVIII—XIX вв. вошли в современную русскую коннотонимию, хотя набор их «вторичных смыслов» уже иной. Так, в наше время утратил свое значение «отдаленное место» коннотоним *Камчатка*, сохранив старое — «задние ряды, что-то находящееся сзади» и развил новое — «шерстная, пассивная часть коллектива». Некоторые из них, благодаря расширению словесных связей и речевых контекстов, заметно увеличили свою коннотационную наполненность. Другие же утратили свои прежние референтные коннотации и в настоящее время воспринимаются уже как «чистые» онимы, например: *Амур*, *Сахалин* (в XIX—начале XX в. — синонимы *Камчатки*), *Сибирь*, *Перекон*, *Калифорния*, *Плевна*, *Фоблаз*, *Сарданапал* и др. (выделенные разрядкой имена до утраты своих семантических коннотаций испытывали вторичную топонимизацию). Первые — это онимы с живой, а вторые — с угасшей (генетической) коннотацией. Особую группу составляют бывшие коннотонимы, которые пережили апеллитивацию. Их коннотативное значение превратилось в новое денотативное, но при этом аффективный компонент содержательной структуры ими не утрачен (*Фефела*, *Фофан*, *Филон*, *Иуда*, проблематично — *Разгильдий* и др.).

В КССИ (там, где это возможно и необходимо) устанавливается историческая перспектива развития значений — от «чистого» (имеющего лишь первичное референтное значение) СИ к такому его состоянию, когда в нем возникает коннотативный компонент. Определяется характер внеязыковой подосновы коннотемы, а если их несколько — последовательность их появления, типы узальных коннотаций (интерлингвистическая, интралингвистическая — широко известная или территориально ограниченная, интралингвистическая с ограниченной коммуникативной функцией и др.)¹⁹. Задача составителей КССИ — выявление максимального количества контекстов, в которых функционирует тот или иной коннотоним, так как каждый из них — это фрагмент речевой деятельности, в которой происходило развитие его смысловой структуры.

Примечания

- ¹ *Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники. М., 1979, 420.
- ² *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, 275, 297.
- ³ Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Елифанья. Л., 1975, 79—80.
- ⁴ Архив юго-западной России. Киев, 1877, ч. 1, кн. 7, 273, 277.
- ⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. СПб., 1860, вып. 2, 427.
- ⁶ См. статью *Вавилон* в: *Огин Е. С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении. — В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1980, 4—5.

- ⁷ О явлении вторичной топонимизации коннотонимов см.: *Огин Е. С.* Ономастивна ономастична лексика. — Мовознавство. 1978, № 6, 47—53.
- ⁸ *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912, 541.
- ⁹ Топографическая карта части Азовского моря. . . Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22 895.
- ¹⁰ Он помещен на первом геодезическом плане Москвы 1739 г., масштаб: 100 саженей в 1 см (ГИМ, Арх. граф. № 23495/Л—58).
- ¹¹ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. I, 88.
- ¹² *Чернышев В.* Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных. — В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1935, III—IV, 172—173.
- ¹³ Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954, 42.
- ¹⁴ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840, 62.
- ¹⁵ Там же, 41.
- ¹⁶ *Забелин П.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст. М., 1895, ч. I, 338.
- ¹⁷ Летопись занятий Археологической комиссии. 1862—1863. СПб., 1862, вып. 2, 94.
- ¹⁸ Записки Отд. рукоп. Гос. биб-ки им. В. И. Ленина. М., 1961, вып. 24, 371.
- ¹⁹ О топологии ономастических коннотаций см. в указанных наших работах (ссылки 6 и 7).

Ю. В. Откупщиков

ДИАЛЕКТНЫЙ МАТЕРИАЛ И ЭТИМОЛОГИЯ

В своем предисловии к русскому переводу словаря М. Фасмера Б. А. Ларин писал: «В большую заслугу М. Фасмеру некоторые из рецензентов (например, О. Н. Трубачев) ставят включение диалектной лексики и ономастики. Но в этом направлении М. Фасмер сделал лишь первый шаг: из громадного, наличного даже в опубликованных работах диалектального запаса «вплитературных слов» и не менее необъятного запаса местных названий и личных имен он включил лишь какую-то часть. К тому же, как показывают появившиеся рецензии и предпринятая редакцией сверка, именно в диалектных и топонимических этимологиях он допустил больше всего неточностей» (Фасмер I, 8—9).

Действительно, именно подача диалектной лексики является, пожалуй, наиболее слабой стороной словаря М. Фасмера. Прежде всего, самый отбор лексики во многом случаен. Например, сравнительно высокий процент диалектной лексики финно-угорского происхождения в говорах русского Севера объясняется тем, что М. Фасмер широко пользуется известной работой Я. Калима. Немало в словаре диалектизмы тюркского и германского происхождения, в какой-то мере отражены балтизмы. В остальном — это изолированные примеры, нередко сопровождающиеся пометами типа «неясно», «темное слово» и т. п.

Характерно, что при этимологизации русских слов литературного языка М. Фасмер широко привлекает соответствия из родственных п.-е. языков. Этимология диалектных слов очень часто рас-

смачивается им как бы сквозь призму литературной лексики, хотя эти слова имеют гораздо более близкие и для их этимологии более важные соответствия в родственных языках (для краткости я ограничусь материалом балтийских языков).

Так, например, рус. диал. *цѣнет* 'наряд, убор' Фасмер относит к *цѣнѣ* в значении 'мелочь' и *цѣнѣть* (Фасмер IV, 503). Между тем, эта ссылка, видимо, верная в генетическом плане, не очень убедительна в семантическом отношении. В то же время, русскому диалектному *цѣнет* 'наряд, убор' полностью в фонетическом и словообразовательном плане соответствует семантически более близкое лит. диал. *skėpetas* 'платок', прилагательное от которого *skėpetinis* = рус. диал. *цѣпентый* 'нарядный' (в дальнейшем лит. и лтш. примеры даны без пометы *диал.*). Даже такое сложное образование с тремя суффиксами, как *цѣпентильный* 'мелочной, ко внешним мелочам, порядкам, нарядам относящийся', идентично литовскому **skėpetėlinis* — прилагательному от диминутива *skėpetėlis* 'платочек' (ср. *vilnėlinis, virvėlinis*)¹.

Говоря о значении диалектного материала для русской и славянской этимологии, нужно иметь в виду диалекты не только русского и других славянских языков, но также и тех языков, которые привлекаются исследователем при этимологизации русского (славянского) слова. Так, еще до выхода в свет словаря М. Фасмера было опубликовано шесть объемистых томов (около 1000 стр. большого формата каждый) диалектного словаря латышского языка К. Мюленбахса — Я. Эндзелина (включая два тома дополнений) (см. Mülenbachs — Endzelins). В настоящее время вышло 13 столь же фундаментальных томов Академического словаря литовского языка (также с широким включением диалектной лексики) (см. LKŽ). Между тем, балтийский материал в словаре М. Фасмера, в основном, ограничен рамками «Балто-славянского словаря» Р. Траутмана (см. Trautmann), который, естественно, не мог учесть богатейшего диалектного материала латышского и литовского словарей. К тому же, Р. Траутман, по отзыву К. Буги, в основном, опирался на памятники письменности и недостаточно привлекал диалектную лексику балтийских языков. Все это не могло не отразиться отрицательным образом на словаре М. Фасмера.

Взяв хотя бы рус. диал. *стебѣть* 'стегать, бить, хлестать'. В словаре в очень неуверенной форме допускается его родство со словом *стебель*, а из балтийских соответствий приводятся лит. *stėmbti* 'крепнуть', *stėbjti* и *stėbdyti* 'остаивать' (Фасмер III, 750). В то же время, вне поля зрения М. Фасмера осталось полностью совпадающее с рус. диал. *стебѣть* (в фонетическом, морфологическом и семантическом плане) лтш. *stībāt* 'стегать, хлестать'. В качестве первого соответствия родственного этим глаголам слова *стебель* М. Фасмер приводит не лтш. *stībis* 'прут' (как следовало бы), а лит. *stibis* 'мембриш virilė' (там же). Рус. диал. *стебенить*, кроме приведенных у М. Фасмера значений, означает также 'частить, мельчить; идти, бежать скорой походкой'. В диалектах лтш. языка у этого рус. диал. глагола есть соответствие *stibināt* 'быстро идти

маленькими шагами'. Рус. диал. *мѣлать* Фасмер дает только в значении 'жать, давить', приводя при этом не очень надежные балтийские соответствия (например, лтш. *mulis* 'землеройка') (Фасмер III, 8). Между тем, в словарь не вошли такие диалектные слова с надежными балтийскими соответствиями, как *мѣлать* 'выпрашивать, попрошайничать' (лтш. *maĩlyti* 'докуратно просить, кланяться') и *мулѣть* = лит. *maĩlinti* 'обманывать'. Нет в словаре и таких диалектных слов с балтийскими соответствиями, как *ватѣлить* 'говорить неясно, несвязно' (= лтш. *vataliti* 'быстро говорить то одно, то другое'), *лягать* 'качать' (= лит. *linguoti*, лтш. *ligoti, ligati* то же) и мн. др.

Как правило, М. Фасмер дает лишь отдельные изолированные сопоставления (не всегда, к тому же удачные в семантическом отношении) там, где особо тесные генетические связи между языками подкрепляются наличием целых «пучков» лексических изоглоссов. Так, для производных корня **lom-* он приводит лишь рус. *ломить*, сопоставляя это слово с лит. *laminti* 'уक्रоцать (лопаль)', совершенно оставляя в стороне такие соответствия, как рус. диал. *лом* = лит. *lāmas* 'кусок', (об)ломок. (у)ломок — лит. *lamākas* то же, *ломѣт* (= *ломѣть*) — лит. *lamātas* то же, *отломить* = *atlamyti*, *отломать* = *atlamoti*.

Для рус. *сухой* М. Фасмер, естественно, приводит в качестве соответствий лит. *saišas* и лтш. *saišas*. И это — все. Между тем, большое количество производных, совпадающих в балтийских и славянских языках (особенно в диалектах) осталось у М. Фасмера «за кадром»:

сухотѣ = *sausatė* 'сухость', *сухмѣнь* = *sausmenė* 'сухое место', *сушь* = *sausis* 'сухая пора', *сушить* = *saišyti* 'супшить', бяр. *сушэць* = *sausėti* 'высыхать', *сушица* = *sausienė* 'сухость', *сушина* 'сухое дерево' = *sausynas* 'сухой куст', **сушень* (ср. *сушенья*) = лтш. *saišenis* 'высохшее дерево' и др. Ничего этого нет ни у Р. Траутмана, ни у М. Фасмера, хотя в других случаях первый из них фиксирует одинаковые производные в балтийских и славянских языках. Нет и сложных слов с первым компонентом *сух-*:

суховей = *saišvėjis*, *суховейный* = *saišvėjinis*, *суховерхуй* = *sausaviršis*, *суховершин(ник)* = *sausaviršinis* 'с высохшей вершиной', *сухожилие* = *sausagyslė*, др.-рус. *сухороужкии* = *sausaraikis*.

Примеры подобного рода «комплексных» изоглоссов, не отмеченных в работах Я. Эндзелина, Р. Траутмана, М. Фасмера и других исследователей, весьма многочисленны в балто-славянском ареале. Ничего даже отдаленно похожего мы не найдем в других славяно-неславянских ареалах. Все это говорит об исключительно важном значении диалектного материала балтийских языков для славянской этимологии, в частности — для этимологизации славянской диалектной лексики.

О значении диалектного материала для этимологических исследований говорилось и писалось немало. К сожалению, нередко заявления подобного рода остаются чисто декларативными. Правда, есть в этой области и положительные явления. Так, в конце 1977 г. в Томском университете Т. И. Шелепова успешно защитила канди-

датскую диссертацию на тему: «Диалекты как источник этимологии». Остановлюсь только на одном примере уточнения словообразовательной базы этимологии слова *знахарь* — уточнения, которое диссертант делает, опираясь на материал русских говоров. Н. М. Шанский высказывает сомнение в реальности словообразовательной модели *знать* → *знаха* → *знахарь*, «так как *nomina agentis* на *-арь* не образуются от слов уже имеющих значение деятеля»². Приведя диалектные формы *бать* 'говорить' → *бах* → *бахарь* 'говорун', *дать* → *дах* → *дахарь* 'тот, кто дает', *взять* → *взях* и *взяха* → *взяхарь*, особенно же *ба-х-ар-ун* 'говорун' — с тремя последовательно «наслаивающимися» суффиксами со значением *nomina agentis*, Л. И. Шелепова внесла существенный корректив в интерпретацию словообразовательной структуры слова *знахарь*³.

Привлечение диалектной лексики играет важную роль в анализе лексических изоглосс, охватывающих различные группы языков — в целях определения степени родства между отдельными и.-е. языками. Я позволю себе остановиться только на одном примере.

Б. А. Ларин приводит из словаря Ричарда Джемса очень интересное диалектное слово: *двина*. *Брат двина* — это 'единоутробный брат'⁴. Б. А. Ларин писал, что наличие слов *двина* и *трина*, употребляемых применительно к виду двойной и тройной перегонки, устраивает сомнения в правильности записи⁵. А теперь обратимся к ставшему уже классическим труду В. Порцига «Членение и.-е. языковой области»⁶. В этой книге автор делает вывод о том, что из всех и.-е. языков германские языки ближе всего к италийским. В пользу этого тезиса он приводит 32 германо-италийские изоглоссы, в которых, по его мнению, не участвуют другие и.-е. языки. В статье «О принципах отбора лексических изоглосс»⁷ мне удалось показать, что 6 из 11 первых примеров В. Порцига не выдерживают критики, ибо они выходят за пределы германо-италийского ареала, охватывая чаще всего такие ареал балто-славянский. Вот один из этих примеров В. Порцига. В латинском языке имеется числительное раздельное *binī* 'по два', которое было образовано из **duīnoī* уже в эпоху древнейших памятников письменности. Этимологическим соответствием этому числительному является др.-англ. (*ge*)*twinne* 'близнецы' (совр. англ. *twins*). Считая этот пример эксклюзивной германо-италийской изоглоссой, В. Порциг не учел, что лит. *dvīnai* и лтш. *dvīņi* 'близнецы' фонетически по существу идентичны реконструированной латинской форме, а по значению — англ. *twins*. К сожалению, в своей статье я упустил из виду форму *брат двина* из словаря Ричарда Джемса, которая надежно подтверждается балтийскими и германскими соответствиями, а также наличием для слова *трина* 'вино тройной перегонки' корневого и словообразовательного соответствия в лит. *trynai* (Ширвид) 'тройняшки'. Наконец, в вологодских говорах засвидетельствовано слово *двинь* 'две полосы земли рядом' (ЭССЯ 5, 189). Итак, вместо германо-италийской изоглоссы, которую предполагал В. Порциг, нам удалось выделить важную балто-славяно-германскую лексическую изоглоссу: лит. *dvīnai* — рус. диал. (или др.-рус.) *двинь* — др.-англ. (*ge*)*twinne* (= англ. *twins*)

'близнецы'. Лат. *binī* оказывается за пределами этой изоглоссы, ибо лат. слово остается числительным, а не существительным со значением 'близнецы'.

Диалектный материал славянских языков имеет важное значение не только для славянских языков, но и для и.-е. этимологии. Возьмем хотя бы лит. и лтш. слово *ragana* 'ведьма'. Обычно это балтийское слово этимологизируют, исходя из лит. *regēti* 'видеть', а связь с лит. *rāgas* 'рог' считают народноэтимологической. С.-хорв. *babarōga* 'баба-яга', невольно приходящая здесь на память, объясняется О. П. Трубачевым как **baba rōga* — к *ругать* (ЭССЯ). Подобное объяснение мне представляется неубедительным в фонетическом отношении, а также по следующей причине. В с.-хорв. языке и его диалектах мы находим слова *rōgoňa*, *rōgoňa* и *roguňa* с двумя основными значениями: 1) 'рогатое животное (бык, баран, коза, овца, корова)' и 2) 'черт' и 'ведьма'. Особенно важным представляется слово *rōgoňa*, полностью (как в фонетическом, так и в словообразовательном плане) соответствующее лтш. *ragane* = *ragana* с теми же двумя основными значениями: 'рогатая овца' и 'ведьма'⁸. Вообще южнославянско-балтийские лексические изоглоссы имеют исключительно важное значение, ибо они не могут относиться к сравнительно поздней эпохе (например, ко времени Великого княжества Литовского), отражая гораздо более древние языковые явления. В качестве примера таких изоглосс, кажется, до сих пор не отмеченных в литературе, можно указать на с.-хорв. *seja* 'сестрица' и лит. *sejā* (*sejā*) 'сестра', с.-хорв. *vālyati* → *vālyga* 'валек, каток' = лит. *voliōti* — *voliaga* то же (ер. рус. диал. *валюга* 'лентяй' — с иным значением), с.-хорв. (стар. — XVIII в.) *degati se*, словен. *degati se* 'ссориться, ругаться' и лит. *daigōtis* то же (в ЭССЯ, 4, 228 дано только корнеотемлочное указание на лит. *diegti* 'колоть', *diegas* 'росток').

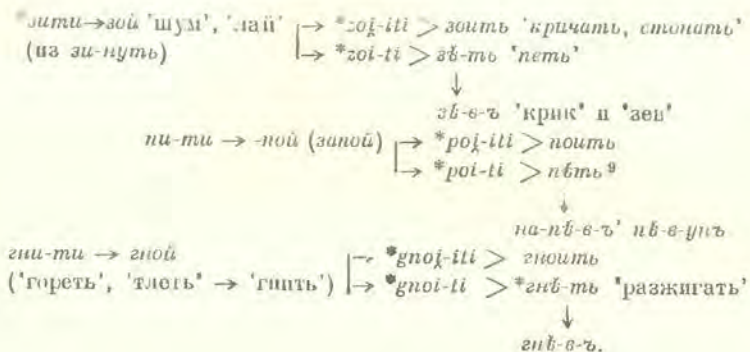
При наличии фундаментального Загребского словаря и других прекрасно изданных словарей сербохорватского и болгарского языков, а также упомянутых выше словарей литовского и латышского языков, изучение южнославянско-балтийских лексических изоглосс (с широким привлечением диалектного материала) представляется делом весьма перспективным, и немало этимологических находок ждет здесь будущих исследователей.

Трудно также переоценить роль диалектных картотек, содержащих большое количество неопубликованного и еще не вошедшего в научный обиход лексического материала. Одно из таких слов, обнаруженное мною в картотеке Псковского областного словаря, позволило пролить дополнительный свет на этимологию рус. *гнев* и его соответствий в других славянских языках. Фасмер сопоставляет это слово с *гнить* и менее уверенно сопоставление с *гнетить* (Фасмер I, 420). Однако словообразовательная история рус. *гнев* остается темной. Очевидно, что ни *гнить*, ни *гнетить* не могли послужить непосредственной производящей основой для слова *гнев*. В этой функции здесь должен бы был выступить глагол **гнѣтъ* 'жечь, разжигать', реконструкция которого может опираться на две словообразовательные модели:

- 1) *mol-ti (молотъ) → *molt- → *moltiti (молотить)
 *gně-ti → *gnět- → *gnětiti (знетить)

Для именной основы *gněl-, ср., например, *подъ-гнѣт-а* 'подтопка, растопка';

2) Эта модель — более сложная. С учетом известного чередования *ei / oi* типа *биты / бой*, опираясь на диалектный материал, можно восстановить древнюю модель:

Именная основа — у слова *гной* 'навоз', семантически ср. *пере-гной* и *пере-гар*. В этой сложной модели исходные глаголы означают 'пить самому', 'гнить самому', но *поить* — это каузатив: 'давать пить другому'. Отсюда реконструированный глагол **гнѣть* (как и вторичный глагол *гнѣтить*) имеет значение не 'гореть (самому)', а 'разжигать' — что семантически идеально подходит для значения слова *гнѣвь* (ср. *горячий* и *гореть*, *пылкий*, *вспыльчивый* и *пылать* и т. п.).

До недавнего времени реконструированный глагол **гнѣть* (*знеть*) был всего лишь словом под звездочкой, которое, кроме моих лекций по этимологии (в Ленинградском университете), возможно, нигде больше не фигурировало. И только в начале 1984 г. мне удалось найти диалектное слово *знеть* 'разжигать', которого нет в словарях славянских языков, нет у Даля, в Словаре русских народных говоров и в Псковском областном словаре. Оно оказалось в картотеке последнего, но не попало в словарь в связи с тем, что это — единичная фиксация.

Поскольку основной материал данной статьи составила русская диалектная лексика, имеющая соответствия в балтийских языках, в заключение приведу еще несколько примеров балто-славянских изоглоссов, отраженных в диалектной лексике русского, литовского и латышского языков, но не отмеченных этимологическими словарями.

Рус. диал. *зѣрѣть* во всех трех своих основных значениях совпадает с лтш. *zērēt* 1) 'много пить; мочиться; лить', 2) 'выть, завывать'; (в рус. языке — 'кричать, горланить') и лит. *žūrėti* 'смотреть'. В последнем случае можно отметить также рус. диал. *зѣркий* = лит. *žūris* 'зоркий', которые входят в обширный ряд (около ста приме-

ров) балто-славянских соответствий между балтийскими прилагательными с *и*-основой и русскими на *-ѣкъ* (тип *сладкий* — *saldūs*, польский — *naśs*, меткий — *melūs* 'хорошо бросающий' и мн. др.)¹⁰.

Не были отмечены в словарях такие изоглоссы, как лит. *sūnalka* 'скопление, скученность' и рус. *суполока*, лит. *rugiena* 'поле под рожью' и рус. диал. *ржина* 'озимая рожь', лит. *šiaučii* 'шалю' и ружью, *šiautyli* 'буйствовать' и *шумить* (Фасмер IV, 491 сопоставляет очень далекие по значению формы, а приведенное им лит. *šiaūstis* 'веселиться' отсутствует в словарях). В то же время изоглосса лит. *šiautėila* = рус. *шумила* осталась вне поля зрения авторов этимологических словарей.

И, наконец, — несколько изоглоссов, отражающих балто-славянские языческие верования. Лтш. *blūods* 'злой дух, сбивающий почью путника с дороги' — рус. диал. *блуд* 'злой дух, который заставляет плутать, блуждать пьяных'. Латышское слово по своему значению — *vadātājs*. Последнее слово в одном из его значений ('возжак') имеет полное соответствие в рус. диал. *водатай*. Рус. диал. *знатник* 'колдун' имеет соответствия в лтш. *zinnieks* то же и *zinlīnieks* 'ученый', а производящая основа рус. диал. *знальщина* 'собрание знатоков, знахарей' позволяет реконструировать слово **зналь* 'знахарь' = лит. *žiniuolis* 'знахарь'.

В настоящей статье были приведены лишь некоторые выборочные примеры из того обширного материала, который свидетельствует о том, что лексическая близость между балтийскими и славянскими языками была более тесной, чем это представлялось даже Р. Траутману (при этом нужно отметить, что его материал далеко не всегда надежен). Диалектная лексика балтийских и славянских языков должна шире привлекаться для взаимного обогащения этимологических исследований в области как тех, так и других языков.

Думается, что немало интересного и полезного для славянской этимологии материала может дать не выборочное, а сплошное изучение диалектной лексики также и других и.-е. языков (в первую очередь — германских).

Примечания

- 1 Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, 247.
- 2 Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1975, VI, 401—402.
- 3 Шелепова Л. И. Диалекты как источник этимологии. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1977 (машинопись).
- 4 Ларин В. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, 164.
- 5 Там же, 245.
- 6 Порциг В. Членение надоевропейской языковой общности. М., 1964.
- 7 Откупщиков Ю. В. О принципах отбора лексических изоглоссов. — Baltistica 1, 1972, 115—124.
- 8 Он же. О происхождении лит., лтш. *ragana* 'ведьма'. — Baltistica XIII, 1, 1977, 271—275.
- 9 Трубачев О. И. Следы язычества в славянской лексике. — ВСЯ 4, 1959, 130—139.
- 10 Откупщиков Ю. В. Балтийские и славянские прилагательные с *-и*-основой. — Baltistica XIX, 1, 1983, 23—29.